

Горький

№6-1982

25 апреля Василию Павловичу СОЛОВЬЕВУ-СЕДОМУ, композитору, Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий, народному артисту СССР исполнилось бы 75 лет...

Если вам знаком особый, чудесный морской ленинградский воздух, вас обязательно потянет, и даже не в белые ночи, на Неву, на Стрелку Васильевского острова, на море, на окраину, в порт — услышать трудовой ритм и лирику великого города. А если хотите рассказать о В. П. Соловьеве-Седом, можно ли не побывать в его родном городе, можно ли без Ленинграда?..

Музыкальное наследие Василия Павловича Соловьева-Седого огромно: симфоническая и фортепианная музыка, оперы, балеты, оперетты, романсы, музыка к кинофильмам. Но, конечно, в первую очередь он был песенником, мастером-песенником. Был? Он им и остался, ведь песни — с нами. Они дарят нам тепло и бодрость, веселье и грусть, рождают воспоминания, вселяют надежду. Его песни разных лет — это музыкальная панорама целого исторического периода в жизни нашей страны.

В дни Октябрьских годовщин, когда по Красной площади проходят стройные ряды наших воинов, в маршевую мелодию вплетается музыка Соловьева-Седого. Его «Вечер на рейде», «Соловьи», «Студенческая попутная», «Если бы парни всей земли» не просто популярны, они народны. Немногие композиторы могут сказать, что их песню пела вся планета. «Подмосковные вечера» планета пела. А когда Василий Павлович написал их, земляки-ленинградцы письмами засыпали, телефон не умолкал: почему вечера подмосковные, а не ленинградские? Тогда он написал «Вечернюю песню».

Я — «в городе над вольной Невой». В городе, где прошло детство и юность Соловьева-Седого, где он жил и работал в зрелые годы, где остались родные и друзья, чьи сердца и память хранят светлые воспоминания.

...Долгие годы связывала творческая дружба Соловьева-Седого с поэтом С. В. Фогельсоном. Их первая встреча произошла в блокадном Ленинграде. Соломон Борисович, в то время мичман Балтийского флота, по заданию политуправления приехал к Соловьеву-Седому. Надо было написать флотскую песню. Композитор

ВСЕГДА С ПЕСНЕЙ

зитор спросил: «Вы умеете писать на готовую музыку?» Бравый поэт ответил «да» и утром принес стихи. Они не подошли. На другой день был готов новый текст. Та же история. На третий день — третий... Так двенадцать дней кряду приносил поэт все новые и новые варианты Соловьеву-Седому. Все не то... Идя в 13-й раз, а это число вызывало суеверный страх, поэт думал, что это его последний визит. Увидев его, Василий Павлович сказал: «Ах, это вы, Фогель сон в летнюю ночь. Посмотрим, что вы там опять накропали». Неожиданно раздался телефонный звонок, и Василий Павлович, просматривая рукопись, начал разговаривать. «Ко мне пришел поэт, принес очередное безобразие. А если у него что-то получилось, мы вместе сейчас приедем». И они поехали вместе!

Потом они создали вдвоем знаменитую «Пора в путь-дорогу». Вместе работалось хорошо. Мысли приходили всегда как-то сами по себе, без особых усилий, надрыва, мелодия рождалась непринужденно. Однажды Соломон Борисович предложил написать флотскую песню. Василий Павлович, подумав, сказал, что моряку свойственны две стихии: лихая, как в «Яблочке», и грустная, как в «Раскинулось море широко». Соединить их вместе — будет настоящая флотская песня. Дал готовую музыку, подсказал рефрен «Ой вы, ночи, матросские ночи». Песня пелась, пелась и пелась. И спустя 30 лет «Матросские ночи» имели огромный успех, завоевав в исполнении М. Пахоменко на VI Всесоюзном телевизионном фестивале первый приз.

Общение с самыми разными людьми, смена жизненных впечатлений и ситуаций была необходима композитору. Так он «нашел» для себя поэзию Глеба Горбовского. Однажды, вспоминает Надежда Павловна, сестра композитора, Василий Павлович вошел в комнату с небольшим

сборничком «Спасибо, земля». Во всем его облике чувствовался какой-то подъем. «Послушай, как сочно. Слышу все», — были его слова. Горбовский прежде песен не писал. Но Василий Павлович проникся особым чувством к его таланту, принял его как поэта и человека. Добрые отношения сложились между ними. Ну и, конечно, работа сближала все сильнее и сильнее. Во время зарубежных гастролей, незабываемой поездки по Оби, когда они жили в одних номерах, каютах, купе, рождались циклы «Светлая песня», «Мои современники». Глеб Яковлевич вспоминает о непреходящем чувстве радости, которое он испытывал от сотрудничества с этим редким человеком, щедро отдающим свои знания и опыт. Он учил ясности и простоте, доступности

и подлинности, он всегда хотел, чтобы мысль была согрета сердцем.

А в быту с ним было легко. Даже не ощущалась разница в возрасте. Он обожал кроссворды. Играть в шахматы лучше было с ним не садиться — обыгрывал всех. Любил и ценил книги. В его библиотеке редкие издания — комплект «Сатирикона», томик «Евгения Онегина», датированный 1837 годом. И полнота, в основном сборники с автографами. Блестящий рассказчик, он был весь заряжен юмором. Речь его пересыпала нескончаемые шутки, каламбуры. Именно таким его помнит друг дома театровед Петр Цезаревич Радчик. Петр Цезаревич вспоминает: «рядовой» телефонный звонок. «Ты что делаешь?» — спрашивает Василий Павлович. «Работаю». «Правильно делаешь. Кто не работает, тот нас съест. У тебя много народу?» — «Нет». — «Я зайду». Вскоре появляется, чисто выбритый, особенным жестом поправляет несуществующие усы. Как романтический герой поднимает руку и декламирует: «О сын Цезаря, потомок Клеопатры». Появилось это шуточное обращение после такой его телеграммы: «Не станем утверждать упрямо, что Клеопатра ваша мама. Но мы дознались наконец, что Юлий Цезарь ваш отец».

Как рождается мелодия? Загадка... Некоторыми своими ощущениями композитор делился с Радчиком.

Однажды ему долго не спалось на даче. В абсолютной тишине он вдруг услышал: капает вода. Вслушался и обнаружил, что капли падают неодинаково — одни звонко, другие глухо, третьи гулко... Родилась музыкальная фраза. В другой раз ее первопричиной стала нота, фальшиво взятая мальчиком-горнистом. Работал он обыкновенно по утрам до обеда. Написанное убирал в ящик, чтобы вновь и вновь возвращаться к нему.

Песни Соловьева-Седого живут среди нас. Люди не могут забыть то, что полно любви к ним, к их родной земле. В дни, когда исполняется 75 лет со дня рождения Василия Павловича, в концертных залах звучит его музыка. А ленинградская фестивальная весна закончилась концертом его произведений.

Мария СМЕРНОВА,
спец. корр. «Недели».

Неделя, 1982, 12 апр.

ЛИСТКИ КАЛЕНДАРЯ

25 апреля Василию Павловичу СОЛОВЬЕВУ-СЕДОМУ, композитору, Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий, народному артисту СССР исполнилось бы 75 лет...

Если вам знаком особый, чудесный морской ленинградский воздух, вас обязательно потянет, и даже не в белые ночи, на Неву, на Стрелку Васильевского острова, на море, на окраину, в порт — услышать трудовой ритм и лирику великого города. А если хочешь рассказать о В. П. Соловьеве-Седом, можно ли не побывать в его родном городе, можно ли без Ленинграда?..

Музыкальное наследие Василия Павловича Соловьева-Седого огромно: симфоническая и фортепьянная музыка, оперы, балеты, оперетты, романсы, музыка к кинофильмам. Но, конечно, в первую очередь он был песенником, мастером-песенником. Был? Он им и остался, ведь песни — с нами. Они дарят нам тепло и бодрость, веселье и грусть, рожают воспоминания, вселяют надежду. Его песни разных лет — это музыкальная панорама целого исторического периода в жизни нашей страны.

В дни Октябрьских годовщин, когда по Красной площади проходят стройные ряды наших воинов, в маршевую мелодию вплетается музыка Соловьева-Седого. Его «Вечер на рейде», «Соловьи», «Студенческая попутная», «Если бы парни всей земли» не просто популярны, они народны. Немногие композиторы могут сказать, что их песню пела вся планета. «Подмосковные вечера» планета пела. А когда Василий Павлович написал их, земляки-ленинградцы письмами засыпали, телефон не умолкал: почему вечера подмосковные, а не ленинградские? Тогда он написал «Вечернюю песню».

Я — «в городе над вольной Невой». В городе, где прошло детство и юность Соловьева-Седого, где он жил и работал в зрелые годы, где остались родные и друзья, чьи сердца и память хранят светлые воспоминания

...Долгие годы связывала творческая дружба Соловьева-Седого с поэтом С. Б. Фогельсоном. Их первая встреча произошла в блокаде Ленинграда. Соломон Борисович, в то время мичман Балтийского флота, по заданию политуправления приехал к Соловьеву-Седому. Надо было написать флотскую песню. Композитор

ВСЕГДА С ПЕСНЕЙ

спросил: «Вы умеете писать на готовую музыку?» Бравый поэт ответил «да» и утром принес стихи. Они не подошли. На другой день был готов новый текст. Та же история. На третий день — третий. Так двенадцать дней подряд приносил поэт все новые и новые варианты Соловьеву-Седому. Все не то... Идя в 13-й раз, а это число вызвало суеверный страх, поэт думал, что это его последний визит. Увидев его, Василий Павлович сказал: «Ах, это вы, Фогельсон в летнюю ночь. Посмотрим, что вы там опять накропали». Неожиданно раздался телефонный звонок, и Василий Павлович, просматривая рукопись, начал разговаривать: «Ко мне пришел поэт, принес очередное безобразие. А если у него что-то получилось, мы вместе сейчас приедем». И они поехали вместе!

Потом они создали вдвоем знаменитую «Пора в путь-дорогу». Вместе работалось хорошо. Мысли приходили всегда как-то сами по себе, без особых усилий, надрыва, мелодия рождалась непринужденно. Однажды Соломон Борисович предложил написать флотскую песню. Василий Павлович, подумав, сказал, что моряку свойственны две стихии: лихая, как в «Яблочке», и грустная, как в «Раскинулось море широко». Соединить их вместе — будет настоящая флотская песня. Дал готовую музыку, подсказал рефрен «Ой вы, ночи, матросские ночи». Песня пелась, пелась и пелась. И спустя 30 лет «Матросские ночи» имели огромный успех, завоевав в исполнении М. Пахоменко на VI Всесоюзном телевизионном фестивале первый приз.

Общение с самыми разными людьми, смена жизненных впечатлений и ситуаций была необходима композитору. Так он «нашел» для себя поэзию Глеба Горбовского. Однажды, вспоминает Надежда Павловна, сестра композитора, Василий Павлович вошел в комнату с небольшим

сборничком «Спасибо, земля». Во всем его облике чувствовался какой-то подъем. «Послушай, как сочно. Слышу все», — были его слова. Горбовский прежде песен не писал. Но Василий Павлович проникся особым чувством к его таланту, принял его как поэта и человека. Добрые отношения сложились между ними. Ну и, конечно, работа сближала все сильнее и сильнее. Во время зарубежных гастролей, незабываемой поездке по Оби, когда они жили в одних номерах, каютах, купе, рождались циклы «Светлая песня», «Мои современники». Глеб Яковлевич вспоминает о непреходящем чувстве радости, которое он испытывал от сотрудничества с этим редким человеком, щедро отдающим свои знания и опыт. Он учил ясности и простоте, доступности

и подлинности, он всегда хотел, чтобы мысль была согрета сердцем.

А в быту с ним было легко. Даже не ощущалась разница в возрасте. Он обожал кроссворды. Играть в шахматы лучше было с ним не садиться — обыгрывал всех. Любил и ценил книги. В его библиотеке редкие издания — комплект «Сатирикона», томик «Евгения Онегина», датированный 1837 годом. И полка поэзии, в основном сборники с автографами. Блестящий рассказчик, он был весь заряжен юмором. Речь его пересыпали нескончаемые шутки, каламбуры. Именно таким его помнит друг дома театровед Петр Цезаревич Радчик. Петр Цезаревич вспоминает: «Крядовой» телефонный звонок. «Ты что делаешь?» — спрашивает Василий Павлович. «Работаю». — «Правильно делаешь. Кто не работает, тот нас съест. У тебя много народу?» — «Нет». — «Я зайду». Вскоре появляется, чисто выбритый, особенным жестом поправляет несуществующие усы. Как романтический герой поднимает руку и декламирует: «О сын Цезаря, потомок Клеопатры». Появилось это шуточное обращение после такой его телеграммы: «Не станем утверждать упрямо, что Клеопатра ваша мама. Но мы дознались наконец, что Юлий Цезарь ваш отец».

Как рождается мелодия? Загадка... Некоторыми своими ощущениями композитор делился с Радчиком.

Однажды ему долго не спалось на даче. В абсолютной тишине он вдруг услышал: капает вода. Вслушался и обнаружил, что капли падают неодинаково — одни звонко, другие глухо, третьи гулко... Родилась музыкальная фраза. В другой раз ее первоприничной стала нота, фальшиво взятая мальчиком-горнистом. Работал он обыкновенно по утрам до обеда. Написанное убирал в ящик, чтобы вновь и вновь возвращаться к нему.

Песни Соловьева-Седого живут среди нас. Люди не могут забыть то, что полно любви к ним, к их родной земле. В дни, когда исполняется 75 лет со дня рождения Василия Павловича, в концертных залах звучит его музыка. А ленинградская фестивальная весна закончилась концертом его произведений.

Мария СМЕРНОВА,
спец. корр. «Недели».